

А. С. МЕЛЬНИЧУК

К ОЦЕНКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА

Чтобы определить подлинную сущность и объективно-научное значение структуралистического направления в языкознании, необходимо выяснить следующие три вопроса: 1) каковы философско-гносеологические основы структурализма; 2) каковы исходные положения его собственно лингвистической теории и методологии; 3) к чему сводятся результаты применения структуралистических методов при исследовании конкретных языков и языковых групп.

Некоторые сторонники структурализма утверждают, будто философская сторона структуралистической концепции не имеет существенного значения для характеристики структурализма как специальной теории языка¹. Однако такой подход к структурализму не только затухивает его философскую направленность, но и создает неполное представление о структурализме как лингвистической теории, поскольку общеметодологические, философские основы структурализма на самом деле теснейшим образом связаны с его специально лингвистическими установками.

Однако прежде чем говорить о сущности структурализма в целом, необходимо сделать одно предварительное уточнение. Современный лингвистический структурализм, несомненно, представляет собой достаточно определенное и целостное направление, основные принципы которого не только в той или иной мере отличаются от принципов других лингвистических течений, но являются общими и для подавляющего большинства языковедов, считающих себя структуралистами². Но наряду с этим в лагере структуралистов встречаются и такие лингвисты, работы которых мало удовлетворяют требованиям современного структурализма. Так, например, к числу структуралистов относится ряд членов Пражского лингвистического кружка — В. Матезиус, Б. Гавранек, В. Скаличка и др., которые вместе с Н. Трубецким и Р. Якобсоном впервые выступили как структуралисты; впоследствии, однако, эти ученые остались в стороне от основного пути развития структурализма³. Ясно поэтому, что структуралистами можно называть лишь тех исследователей, которые в своих работах придерживаются принципов, характерных для современного структурализма в целом.

Обычно наиболее общее определение сущности структурализма сводится его популяризаторами к представлению структурализма как теории, рассматривающей язык в качестве системы, все части которой находятся в тесных взаимоотношениях между собой. Такое определение способно

¹ См.: С. К. Шаумян, О сущности структурной лингвистики, ВЯ, 1956, № 5 и М. И. Стеблин-Каменский, Несколько замечаний о структурализме, ВЯ, 1957, № 1.

² См. О. С. Ахманова, Основные направления лингвистического структурализма, [М.], 1955, стр. 25—26.

³ См., например, статью В. Скалички (V. Skalička, Kodaňský strukturalismus a «Pražská škola», «Slovo a slovesnost», ročn. X, č. 3, 1948), в которой автор от имени пражских структуралистов резко отмежевывается от наиболее принципиальным вопросам от структурализма Л. Ельмслева.

привести к ложному выводу, будто языковедение, не признающее принципов структурализма, рассматривает языковые факты без надлежащего учета системного характера языка. Однако в действительности подавляющее большинство языковедов мира, не считаящих себя структуралистами, в том числе почти все советские языковеды, не только признают системный характер языка, но и во всех тех случаях, где это позволяет наличие соответствующего материала и уровень развития науки о языке, рассматривают и оценивают исследуемые факты языка с точки зрения системы языка. Достаточно указать в качестве примера на общепризнанное положение о том, что родственные по своему характеру грамматические категории различаются между собой по отдельным языкам в зависимости от места, занимаемого ими в грамматической системе каждого данного языка. Следовательно, указание на то, что структурализм рассматривает язык как систему, не отражает его подлинной сущности.

Сущность современного структурализма заключается в том, что он рассматривает язык как структуру имманентную, т. е. абсолютно оторванную от реальной действительности. Развивая положения де Соссюра о том, что «объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя», что «в языке нет ничего, кроме различий», что «язык есть форма, а не субстанция»¹ и т. п., структуралисты объявили язык системой чистых отношений, не зависящих ни от характера отражаемых в языке явлений, ни от физической природы звучания как конкретного проявления языка.

Поскольку зависимость языка от действительности и прежде всего от возникновения и развития общества проявляется в семантической стороне языковых единиц, отрыв языка от действительности выразился в структуралистическом извращении соотношения языковой формы, языкового значения и действительности. В этом отношении европейские и американские структуралисты пошли разными путями, что определяется различием их исходных позиций.

Бихевиористическая точка зрения на язык, ставшая философской основой американского дескриптивизма, в корне извращает взаимоотношения между языком и действительностью, отказываясь видеть в языке средство отражения действительности и рассматривая речевую деятельность лишь как своеобразные реакции на внешние стимулы. Транспонированная в специальную теорию языка, эта точка зрения приводит к отрицанию семантической стороны в структуре языка. Значения лингвистических единиц Л. Блумфилд рассматривает не как внутренне присущие им свойства, а как нечто внешнее по отношению к ним. «Мы определили значение лингвистической формы, — указывает Л. Блумфилд, — как ситуацию, в которой говорящий произносит ее, и ответ, который она вызывает у слушателя»². Подобное, но несколько более точное понимание значения как «соотношения (correlation) высказывания с социальной ситуацией» встречаем и у З. Харриса³.

Л. Блумфилду не удалось последовательно провести принцип обособленности значения от лингвистической формы. Не находя других возможностей описания структуры языка, и прежде всего освещения таких коренных единиц этой структуры, как фонема и грамматическая форма, Л. Блумфилд вынужден был перейти к употреблению термина «значение» в его традиционном смысле. Все последующее развитие дескриптивизма представляет собой ряд неудачных попыток разработать такие при-

¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 207, 119, 120 и др.

² L. Bloomfield, Language, New York, 1933, стр. 139; ср. стр. 27.

³ Z. S. Harris, Methods in structural linguistics, [2-d print.], Chicago, 1955, стр. 187.

емы описания языка, которые позволили бы обойтись без учета значения и, таким образом, устранить внутреннюю противоречивость сформулированных Блумфилдом основ дескриптивной лингвистики¹. При этом, однако, сохраняется лишь видимость чисто формального анализа, изредка дополняемого незначительными открытыми ссылками на семантику, между тем как многие узловые моменты этого анализа незаметно для читателя основываются на семантических соображениях, о которых автор умалчивает. В этом отношении исключительно характерной является книга З. Харриса «Методы в структуральной лингвистике», цель которой заключается в рекомендации системы таких приемов, которые делали бы возможным анализ языковой структуры на основе особенностей распределения и сочетания ее составных частей в высказывании. Каждый раз, как только приходится определять какую-либо новую часть структуры языка, Харрис молчаливо перебазирует признак дистрибутивных отношений на функционально-семантическую основу. Так, например, в системе Харриса центральную роль играет понятие тождественности лингвистического элемента — звука, морфемы и т. п. Два или несколько выражений, являющихся повторениями друг друга, признаются тождественными, а их части — простые или сложные звуковые отрезки — на основании этого сводятся к одному и тому же простому или сложному отрезку², что ведет в дальнейшем к установлению фонем и, соответственно, морфем. Однако отношения повторяемости и неповторяемости выражений ни в одном языке не являются самоочевидными без учета смысловой стороны выражений, что вынужден признать и сам Харрис³. Этим уже наперед разрушается та методологическая система, к поддержанию которой автор на протяжении всей своей книги прилагает так много усилий. Но и в дальнейшем исследовании значение элементов языковой структуры время от времени тайком протаскивается с черного хода для оживления очередного комплекса формальных операций. Начиная со второй половины книги, посвященной «морфологии», это незаметное протаскивание значения становится совершенно обычным.

Безуспешность попыток обойти значение при анализе структуры языка становится все более очевидной самим американским дескриптивистам. Часть из них начинает возвращаться к позиции Л. Блумфилда, открыто учитывавшего значение в своей теории⁴. Но в таком случае исчезает необходимость в подавляющем большинстве разработанных дескриптивистами приемов структуралистической интерпретации формальной стороны языковой структуры.

Крайняя непоследовательность и противоречивость в освещении языка американскими структуралистами являются отражением несостоятельности агностически-позитивистских теорий бихевиоризма и прагматизма, примененных к объяснению языка.

★

В ином аспекте решается задача формального анализа языка европейскими структуралистами, в работах которых, начиная с «Курса» де Сос-

¹ Ср.: E. A. Nida, *Morphology: the descriptive analysis of words*, Michigan, 1946; G. L. Trager and H. L. Smith, *An outline of English structure*, Oklahoma, 1951; Z. S. Harris, указ. соч.; B. Bloch, *A set of postulates for phonemic analysis*, «Language», vol. 24, № 1, 1948; его же, *Contrast*, «Language», vol. 29, № 1, 1953, и др.

² Z. S. Harris, указ. соч., стр. 29, 37—38.

³ Там же, стр. 7, примеч. 4.

⁴ См., например, Ch. C. Fries, *Meaning and linguistic analysis*, «Language», vol. 30, № 1 (part 1), 1954.

сюра, проблема значения занимает центральное место. Соответствующая концепция де Соссюра, развиваемая европейскими структуралистами, основывается на идеалистическом истолковании природы лингвистического знака как единства означающего и означаемого, т. е. на таком представлении о знаке, согласно которому знак не служит для обозначения сущностей, находящихся вне его, а указывает якобы лишь на свое же внутреннее содержание: «...если (слово. — А. М.) *дерево* называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие „дерево“»¹.

Характерно, что в ходе обсуждения вопроса о структуралистическом понимании природы лингвистического знака на страницах журнала «Acta linguistica» из восьми статей, написанных 14 авторами, только в двух статьях отмечается коренная ошибка в понимании де Соссюром означаемого, но при этом в одной из них означаемое истолковывается в смысле *lexikon* стойков, т. е. как некая объективно идеальная сущность, не являющаяся субъективным явлением сознания², а в другой об ошибке де Соссюра говорится только в сноске³.

Отрывая знак от означаемого им реального факта, де Соссюр и его последователи приходят к мысли об отсутствии каких бы то ни было «различий до появления языка»⁴. Это в свою очередь ведет к идеалистическому представлению о структуре языка как об автономной системе, внутри которой «...значимости остаются целиком относительными...»⁵, т. е. определяются только своим местом в системе языка и не зависят от фактов действительности. Наиболее последовательно и обстоятельно понимание семантической стороны языковых единиц как не зависящей от природы соответствующих реальных объектов изложено в работе Л. Ельмслева «Основы теории языка»⁶. Создавая свою глоссематическую теорию, Л. Ельмслев поставил перед собой цель — искать в структуре языка «постоянное, не связанное с „действительностью“, находящейся вне языка», «постоянное, которое, будучи найденным и описанным, может быть спроецировано на окружающую язык „действительность“, какой бы она ни была (физической, физиологической, психологической, логической, онтологической), так чтобы язык как фокус (*samlende midtpunkt*) оставался главным объектом также и при рассмотрении ее»⁷ (т. е. действительности). Считая поэтому, что распространенное в науке понимание знака как «знака для чего-то» является лингвистически несостоятельным⁸, Л. Ельмслев предлагает «употреблять слово *знак* как название единства формы содержания и формы выражения»⁹. Под «формой содержания» (*indholdstørn*) Л. Ельмслев понимает семантическую форму, которую один и тот же смысл (*mening*) получает в различных языках и «которая может быть объяснена только знаковой функцией»¹⁰, т. е. зависимостью между «формой содержания» и «формой выражения». Что касается «смысла», то он «остается каждый раз субстанцией для новой формы и не может существовать иначе как в роли субстанции для той или другой формы», между тем как «форма содержания... независима от смысла, находится

¹ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 78.

² W. Borgeaud, W. Bröcker et J. Lohmann, De la nature du signe, «Acta linguistica», vol. III, fasc. 1, Copenhagen, 1942—1943, стр. 27.

³ A. Nehring, The problem of the linguistic sign, «Acta linguistica», vol. VI, fasc. 1, 1950, стр. 1.

⁴ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 112.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlaeggelse, København, 1943.

⁷ Там же, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 44.

⁹ Там же, стр. 53.

¹⁰ Там же, стр. 50.

в отношении произвольности к нему и формирует его в субстанцию содержания»¹. Как форма содержания создается из не существующего без этой формы смысла действующими в языковой структуре отношениями (функциями), так и форма выражения, согласно Л. Ельмслеву, создается теми же отношениями (функциями) из не существующего иначе «смысла выражения» (*udtrykksmening*), или «субстанции выражения», т. е. артикуляционных возможностей речевого аппарата². «Субстанция, таким образом, не является необходимой предпосылкой для языковой формы, но языковая форма является необходимой предпосылкой для субстанции»³. При этом между формой содержания и формой выражения усматривается настолько полный параллелизм и обе эти формы считаются настолько независимыми от посторонней «субстанции» (т. е. от смысла содержания и «смысла выражения»), что признается безразличным, какую из этих двух сторон языка называть «содержанием» и какую — «выражением»⁴. Все это оказалось нужным Л. Ельмслеву для того, чтобы в последних разделах своей работы перенести принципы глоссематики на другие науки (признаваемые им в согласии с философами-семантиками лишь своеобразными языками), в частности на социологию, лишив ее, таким образом, реального содержания.

Стремясь к последовательно идеалистической интерпретации всех элементов языковой структуры, европейские структуралисты пытаются отрицать зависимость от реальной действительности не только у грамматических значений, у функций служебных слов и т. п., но также и у лексических значений знаменательных слов. В качестве примера, призванного подтвердить зависимость лексических значений исключительно от самой структуры языка, Л. Ельмслев указывает на несовпадение границ в значениях названий смежных цветов по различным языкам. При этом автор не замечает, что его пример доказывает как раз противоположное тому, что он хотел доказать: границы значений соответствующих слов не совпадают по языкам именно потому, что в действительности нет четких границ между отражаемыми явлениями, между тем как, с другой стороны, вряд ли можно найти хотя бы один язык, в котором смешивались бы такие значения, как «черный» и «белый», и это опять-таки потому, что соответствующие явления четко отличаются друг от друга в действительности.

С целью затупевать и одновременно подкреплять резко бросающееся в глаза извращение природы лексического значения в концепции европейских структуралистов, В. Брендаль разработал специальную теорию состава слова⁵. Согласно этой теории, значение слова является объектом морфологий и вместе с грамматическим оформлением слова составляет две основные разновидности категорий или основных понятий, характеризующих слово. Грамматические значения слов В. Брендаль называет родами, сводя их функцию к классификации слов по частям речи, лексические же значения, согласно В. Брендалю, представляют собой о т н о ш е н и я — «настоящие элементы или атомы мысли»⁶.

В своей теории В. Брендаль опирается на специально разработанный им с этой точки зрения материал о предлогах, не считаясь с тем, что значения предлогов по степени отвлеченности от реальных явлений существенно отличаются от значений знаменательных слов. Голословное утвер-

¹ L. Hjelmslev, указ. соч., стр. 49.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 94.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ См. V. Brøndal, *Essais de linguistique générale*, Copenhagen, 1943 (см. особенно статьи: «La constitution du mot» и «Définition de la morphologie»).

⁶ Там же, стр. 34.

ждение о релятивном характере лексических значений кажется Брендалю достаточным для того, чтобы в другом месте следующим образом характеризовать отношение языка к действительности: «Таким образом, только через идеальное, через общее языку удастся сделать возможным представление о мире (мире, от которого язык не зависит и не происходит сколь-нибудь существенным образом)»¹. Именно такому пониманию языка как совершенно независимой от действительности идеальной структуры подчинены все остальные теоретические построения и конкретные исследования структуралистов.

*

Только имея в виду общую для европейского и американского структурализма тенденцию к отрицанию зависимости языка от объективного мира, можно выяснить сущность другой общей для всех структуралистов особенности их концепции — понимания языка как имманентной структуры. Фактически не только признание языка имманентной структурой, но и характерное для структурализма понимание природы этой структуры представляет собой лишь оборотную сторону отрицания связи языка с действительностью. Наиболее показательными с этой точки зрения являются структуралистические положения о приоритете отношений перед соотносящимися элементами в структуре языка и об изоморфизме всех сторон языковой структуры.

Признание системы чистых отношений единственно существенной основой структуры языка и рассмотрение соотносящихся элементов — звуков и форм — лишь в качестве точек, в которых перекрещиваются чистые отношения, характерны для представителей всех направлений современного структурализма. Ф. де Соссюр в своем «Курсе» пришел к выводу, что «в языке нет ничего, кроме различий. Более того, — уточнял он, — различие, вообще говоря, предполагает положительные моменты, между которыми оно и устанавливается; но в языке имеются только различия без положительных моментов. Взять ли означаемое или означающее, всюду та же картина: в языке нет ни идей, ни звуков, предшествующих системе, а есть только концептуальные различия и звуковые различия, проистекающие из языковой системы»². Подобным образом Н. С. Трубецкой, рассматривая конкретные звуки языка лишь как реализации фонем³, представляющих собой, следовательно, идеальные единицы, считает, «что каждый язык предполагает дистинктивные („фонологические“) противоположности и что фонема представляет собой дальше не разложимый на более мелкие дистинктивные („фонологические“) единства член такой противоположности»⁴.

Определяя сущность структурализма, Л. Ельмслев пишет: «Под структуральной лингвистикой понимают совокупность исследований, основывающихся на гипотезе, согласно которой с научной точки зрения является законным описание языка как представляющего по существу автономное единство (entité) внутренних зависимостей, или, одним словом, структуру»⁵. Останавливаясь дальше на различных сторонах этой гипотезы, Ельмслев отмечает: «Она сводит свой объект к сети зависимостей, рассматривая языковые факты как существующие один в силу другого. Этим она противопоставляется любой гипотезе, которая провозглашает или предполагает

¹ V. Brøndal, указ. соч., стр. 70.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 119; ср. стр. 110.

³ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, Prague, 1939, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ «Acta linguistica», vol. IV, fasc. 3, 1944, стр. V.

существование „фактов“, логически предшествующих отношениям, которые их объединяют. Она отрицает научное существование абсолютной сущности, или реальности, которая была бы независимой от отношений. Она требует, чтобы величины определялись отношениями, а не наоборот. К „наивному реализму“, господствующему в повседневной жизни и господствовавшему до сих пор в языкознании, структуральная лингвистика предлагает присоединить, в порядке опыта, ф у н к ц и о н а л ь н у ю концепцию, которая усматривает в функциях (в логико-математическом смысле этого термина), т. е. в зависимостях, подлинный объект научного исследования¹. Первичность отношений и различий, создающих якобы соотносящиеся элементы языка, признают в принципе и американские структуралисты, хотя специфика их дескриптивной методики и вынуждает их считаться с конкретными элементами языка — звуками и формами — как реальными компонентами языковой структуры. Так, например, Э. Харрис в своей книге «Методы в структуральной лингвистике», которая, по мнению А. Мартине, представляет «удобное и авторитетное изложение главных особенностей американского структурализма»², природу фонетических элементов высказываний определяет следующим образом: «Эти элементы являются скорее фонологическими различиями, чем фонемами; это значит, что они скорее представляют собой различие между /k/ и /p/, точнее между *tack* и *tap*, между *sack* и *sap* и т. п., чем являются самими /k/ и /p/. Однако для удобства мы будем устанавливать в качестве наших элементов не различия, а классы сегментов, определяемые таким образом, чтобы классы отличались друг от друга всеми фонологическими различиями и только ими»³. Особенно заметным является преувеличение дескриптивистами роли отношений в дистрибутивном анализе «морфологической» (т. е. вообще грамматической) структуры языка. Этот анализ сводится к определению содержания и функций всех морфологических и синтаксических единиц релятивным путем — на основании их соотношений с другими единицами языка.

Идеалистическое утверждение структуралистов о приоритете в языке отношений перед относящимися элементами обусловлено представлением о том, что язык не зависит от действительности. Оторвав язык от действительности, которая им обслуживается и в нем отражается, структуралисты вынуждены были искать основу существования языка и условие единства всех его компонентов не в объективной действительности, а в отвлеченной системе чистых отношений, якобы идеально существующих независимо от конкретных элементов языка.

Одно из центральных мест в работах европейских структуралистов занимают попытки установления основных типов действующих в языке отношений. Наиболее сложная система этих типов была разработана Н. С. Трубецким применительно к фонологии⁴. Значительно более примитивной была система типов отношений между элементами морфологической структуры, разработанная В. Брендалем⁵. Однако между обеими системами, несмотря на слишком отвлеченный характер включаемых ими типов отношений (например, привативное отношение у Трубецкого или же различие между двумя противоположными сторонами, «правой» и «левой», «отрицательной» и «положительной», у Брендаля), не оказалось почти ни-

¹ «Acta Linguistica», vol IV, fasc. 3, 1944, стр. VIII; ср. L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlæggelse, стр. 21—22 и др.

² A. Martinet, Structural linguistics, «Anthropology Today», Chicago—Illinois, 1953, стр. 580 а (примеч. 9).

³ Z. S. Harris, указ. соч., стр. 34—35.

⁴ N. S. Trubetzkoy, указ. соч., стр. 59—80.

⁵ V. Brøndal, указ. соч., стр. 15—24.

каких общих моментов. Это могло служить основанием для вывода о том, что следует принять несколько идеальных систем отношений, лежащих в основе каждой отдельной стороны языковой структуры — фонетической, морфологической, лексической и т. п. Это, в свою очередь, наталкивало на опасные для структуралистического идеализма вопросы о причинах и происхождении этого различия и т. п. Оказалось необходимым разработать такую систему идеальных отношений, которую можно было бы с одинаковым успехом подвести под элементы любой стороны языковой структуры и таким образом утвердить представление об изоморфизме всех сторон языка. Именно такую систему, состоящую всего из трех типов отношений (взаимозависимости, односторонней зависимости и свободного сочетания), разработал Л. Ельмслев¹, считающий, что сведение всех конкретных связей между различными элементами языка и речи к этим трем типам отношений может обеспечить исчерпывающий анализ структуры любого языка и любого отрезка речи.

Тот факт, что не только характер устанавливаемых разными структуралистами типов отношений в языковой структуре, но даже критерии, принимаемые в основу определения этих типов, совершенно различны у разных авторов, показывает, как мало отражают они действительную структуру языка. Нетрудно представить, насколько поверхностный характер может иметь изоморфизм, утверждаемый путем приписывания одних и тех же общих отношений различным сторонам структуры языка. Поэтому наряду с отношениями, встречающимися более или менее регулярно, структуралисты вынуждены подтверждать принцип изоморфизма и совершенно неожиданными аналогиями между отношениями в различных областях языковой структуры, хотя эти аналогии оказываются еще более поверхностными. Достаточное представление о сущности структуралистического принципа изоморфизма дают соответствующие работы Е. Куриловича². Исходным моментом для теории изоморфизма служит игнорирование коренного различия в природе и функциях таких элементов языка, как фонемы, с одной стороны, и значащие комплексы (морфемы, слова, синтаксические конструкции) — с другой³. А между тем специфика природы и функций различных компонентов языка наполняет внешние сходства между их отношениями различным содержанием и лишает эти сходства существенного значения для функционирования и развития языковой структуры.

Необоснованность структуралистического принципа изоморфизма является одним из моментов, определяющих общую несостоятельность структурализма. Структурализм представляет собой попытку распространения разработанной Н. С. Трубецким теории фонем на остальные стороны языковой структуры. Но свойственная теории Трубецкого неточность в понимании фонемы как смыслоразличителя⁴, обуславливающая у некоторых структуралистов даже неправомерное подведение фонемы «под понятие знака»⁵, в совокупности с идеалистической трактовкой фонологической системы как идеальной системы отношений лишают эту теорию той убедительности и последовательности, которые должны были бы отли-

¹ L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlaeggelse, стр. 23.

² J. Kurylowicz, La notion de l'isomorphisme, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», vol. V, 1949; его же, Linguistique et théorie de signe, «Journ. de psychologie», Année 42, № 2, Paris, 1949; его же, Заметки о значении слова, ВЯ, 1955, № 3, особенно стр. 76—77; его же, L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 5—8, 22 и др.

³ См. О. С. Ахманова, О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий, ВЯ, 1955, № 3, стр. 86—87.

⁴ См. О. С. Ахманова, Фонология, [М.], 1954, стр. 13.

⁵ С. К. Шаумян, указ. соч., стр. 48.

чать учение, принимаемое за основу целого научного направления. Даже такая элементарная трудность теоретической фонетики, как истолкование совпадения различных фонем в определенных позиционных условиях (так называемая нейтрализация фонологических противоположностей), из-за указанных ошибочных предпосылок теории Трубецкого не нашла в ней удовлетворительного решения. К тому же вполне очевидно, что и наиболее последовательная теория фонем может быть лишь частью общей теории языковой структуры, а не служить основой и образцом для этой общей теории.

*

Что касается практических результатов применения структуральных методов к исследованию и описанию конкретных языков, то их незначительность и даже неприменимость с точки зрения потребностей и целей науки о языке отмечались уже неоднократно как в советском, так и в зарубежном языкознании¹. При характерном для структурализма стремлении к максимальной схематизации внутриязыковых отношений описание известных языков сводится, как правило, либо к упрощению изученных уже раньше явлений и подведению их под формулы, удобные с точки зрения структуралистической теории, но ничего не дающие для познания сущности рассматриваемых явлений², либо, наоборот, к необоснованному усложнению структуры языка, которой приписываются фактически отсутствующие в ней категории³.

Специфика структуралистического подхода значительно менее заметна в исследованиях сравнительно-исторического характера. Это объясняется прежде всего тем, что сам структурализм своими истоками восходит к сравнительно-историческому методу с его вынужденно абстрактным подходом к реконструируемым элементам языка. Реконструирование единиц такого неопределенного характера, как сосюрковский слабый гласный *A*⁴, представляющее вполне естественную и очень важную ступень на пути приближения к конкретной истине в восстановлении доисторического состояния языка, привело де Соссюра к необоснованному перенесению частных особенностей сравнительно-исторического метода на сущность самого исследуемого объекта. Именно этим объясняется известное утверждение де Соссюра: «... чтобы познать звуковые единицы языка, нет необходимости ознакомиться с характером их положительных качеств; их следует рассматривать как дифференциальные величины, сущность которых в том,

¹ См.: A. Martinet, *About structural sketches*, «Word», vol. 5, № 1, 1949; L. L. Hammerich, *Les glossématises Danois et leurs méthodes*, «Acta philologica scandinavica», vol. 21, 1, Copenhagen, 1952 (обл.: 1950); его же, *Réponse à M. Paul Diderichsen*, там же, vol. 21, 2—4, 1952; его же, *Réponse finale à M. Diderichsen*, там же; L. Zabrocki, [Рец. на ст. Е. Куриловича «Le sens des mutations consonantiques»], «Lingua Posnaniensis», III, Poznań, 1951; J. Sled d., [Рец. на книги Трейджера-Смита и Фриза], «Language», vol. 31, № 2, 1955; О. С. Ахматова, О методе лингвистического исследования у американских структуралистов, ВЯ, 1952, № 5; ее же, Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания, ВЯ, 1953, № 3; В. Г. Адмони, Развитие синтаксической теории на Западе в XX в. и структурализм, ВЯ, 1956, № 6, и др.

² Так, большинство структуралистов, исходя из принципа изоморфизма и из общей специфики своих методов, не выделяет синтаксиса в особый раздел грамматики рядом с морфологией, в результате чего многие актуальнейшие вопросы синтаксиса для структурализма вообще не существуют.

³ Ср., например, L. Hjelmslev, *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale*, I, «Acta Jutlandica», VII, 1, Aarhus, 1935, стр. 114, 119 и др., где английскому и датскому языкам, не имеющим падежей, приписывается система из четырех падежей.

⁴ F. de Saussure, *Recueil des publications scientifiques*, Heidelberg, 1922, стр. 167—169, 226 и др.

чтобы не смешиваться друг с другом»¹. Не менее решающее влияние на формирование структуралистической методологии оказало то, что при применении сравнительно-исторического метода «наблюдению доступны лишь результаты изменений, а не сами изменения», и поэтому «... история языков создается лишь путем сравнения состояний языка в различные периоды»². Таким образом, для де Соссюра и его ближайших последователей-компаративистов идеи структурализма по существу совпадали с некоторыми положениями сравнительно-исторического метода, представляющими, впрочем, наиболее слабые стороны последнего. Поэтому общий характер и общая направленность сравнительно-исторических исследований у таких последователей де Соссюра, как А. Мейе³, Э. Бенвенист и некоторые другие, не отличаются сколько-нибудь существенно от направленности и характера сравнительно-исторического языкознания, не связанного со структурализмом. Но превращенные компаративистами-соссюрианцами в методологическую основу сравнительного языкознания в целом, структуралистические идеи привели к резкому усугублению недостатков сравнительно-исторического метода. Ярким примером этого является сформулированная Э. Бенвенистом теория индоевропейского корня, отличающаяся, наряду с важными положительными моментами, крайним схематизмом и антиисторической абстрактностью⁴. Методические установки структурализма полностью переносятся на историческое исследование языков; и здесь допускается только синхроническое описание каждого данного состояния языка, следующего друг за другом, без рассмотрения диахронических переходов от одного состояния к другому. Р. Якобсон иллюстрирует это методологическое положение следующим примером: «В южновеликорусском наречии безударное *о* слилось с *а*. Возможно, здесь были промежуточные ступени: *о* развилось в очень открытый гласный *о*, затем в *а°* и, наконец, постепенно теряя лабиализованность, — в *а*. Но с фонологической точки зрения здесь имеются только две ступени: 1) *о* [*о°*, *а°*] отличается от *а*, это две различные фонемы; 2) рефлекс *о* уже не отличается от *а*, обе фонемы слились в одну; *tertium non datur*»⁵.

В процессе дальнейшего развития структурализма в работах некоторых наиболее крайних его представителей обнаруживается стремление к новому преобразованию характера сравнительно-исторических исследований в духе последних установок структурализма и, в частности, глоссематики⁶. В этих работах конкретному исследованию фактов родственных языков предпосылаются различного рода общие утверждения «панхронического» значения, а само исследование нередко основывается лишь на гипотезах. Так, например, Е. Курилович в своей новой работе о чередовании гласных в индоевропейском языке строит свое объяснение генезиса чередования *e/o* на предположении (признаваемом самим автором недоказуемым) об обобщении ступени *о* сначала только в отглаголь-

¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 199.

² А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 18.

³ Ср. утверждение А. Мартине о том, что «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» А. Мейе построено на принципах структурализма (сб. «Anthropology today», Chicago, Ill., 1953, стр. 577).

⁴ Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, перевод с франц., М., 1955, стр. 178—204 и др.

⁵ R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», № 4, 1931, стр. 250.

⁶ Ср.: L. Hjelmslev, Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen, «Mélanges linguistiques, offerts à M. H. Pedersen», København, 1937; J. Kurylowicz, L'accentuation des langues indo-européennes, Kraków, 1952; его же, L'apophonie en indo-européen и др. работы того же автора.

ных производных с редуцированными *e*, *o* перед *r*, *l*, *m*, *n*, где варианты обеих гласных должны были совпасть в одной «архифонеме»¹. Основным аргументом, на который опирается Курилович в проведении этой гипотезы, является его общее положение о стремлении к наибольшему формальному различению дериватов и их основ — так называемый принцип поляризации или максимальной дистанции. Этот принцип формулируется в связи с принципом пропорциональности, который мало чем отличается от старого понятия грамматической аналогии²; при этом с действием обоих принципов связывается структуралистическое истолкование отношений между соответствующими явлениями языка как отношений обоснования (*fondement*), что соответствует отношению «детерминации» (т. е. односторонней зависимости) в глоссематике Л. Ельмслена. Однако, если даже признать правильность принципа поляризации, то и в таком случае не оказывается никаких доказательств, что этот принцип действовал в условиях, которые сконструировал для него Курилович в своей гипотезе.

Таким образом, структуралистические позиции автора заметно снижают убедительность и научную ценность его очень интересной во многих отношениях работы. Но наряду с тем ущербом, который наносит сравнительно-историческому методу в работах Куриловича применение принципов структурализма, сами эти принципы при соприкосновении с системой приемов и положений сравнительно-исторического языкознания обнаруживают всю свою искусственность и бесплодность. В частности, структуралистический подход к изучению изменений в языке приводит Е. Куриловича вслед за де Соссюром к противопоставлению изменений, вызываемых стремлением структуры языка к равновесию — изменениям, вносимым в структуру языка извне социальными факторами³. Таким образом, сводится к нулю структуралистический принцип «гомогенности», разработка и применение которого у Куриловича вызвала столь высокую оценку в статье С. К. Шаумяна⁴.

В последнее время в качестве аргумента, призванного подтвердить целесообразность структуралистического понимания языка, выдвигается утверждение о важности структуралистической методологии для практики машинного перевода. Однако работа по осуществлению машинного перевода вовсе не нуждается в методологии структурализма, поскольку машинный перевод требует специфического, глубоко механистического подхода к написаниям (а в дальнейшем и звучаниям) языка как носителям значений. Этот подход осуществляется на основе подробного учета структурных особенностей соответствующих языков, изучение которых было бы несправедливо приписывать исключительно или хотя бы даже в первую очередь структуралистам⁵.

В тех, пока еще не очень многочисленных, работах зарубежных ученых, в которых вопросы теории информации и машинного перевода приводятся в прямую связь с методологией структурализма, нет и речи о непосредственном использовании результатов структуралистических исследований в кибернетике. Наоборот, структуралисты пытаются «использовать некоторые из элементарных понятий статистической теории информации» для

¹ J. Kuryłowicz, L'apophonie en indo-européen, стр. 38—40.

² Там же, стр. 8—12 и др. Ср. J. Kuryłowicz, La nature des procès dits «analogiques», «Acta linguistica», vol. V, fasc. 1.

³ J. Kuryłowicz, L'apophonie en indo-européen, стр. 22—23; ср. «Acta linguistica», vol. V, fasc. 1, стр. 19, 37.

⁴ С. К. Шаумян, указ. соч., стр. 44—46.

⁵ Ср. хотя бы статьи О. С. Кулагинной и И. А. Мельчука (ВЯ, 1956, № 5) и Т. Н. Молошной, В. А. Пурто, И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга (ВЯ, 1957, № 1).

развития своих методов описания языка¹. В тех же случаях, когда делаются попытки решения вопросов машинного перевода с лингвистических позиций, структуралистическая методика дескриптивистов подвергается существенным преобразованиям, в частности путем сочетания ее с методологией нелингвистической². Таким образом, мнение о какой-то преимущественной роли структурализма по сравнению с другими направлениями языкознания в развитии методики машинного перевода является по меньшей мере преувеличением.

*

Диалектико-материалистическое языкознание не может отрицать возможность отдельных успехов в изучении языка даже в тех случаях, когда это изучение ведется с позиций структурализма. В частности, вполне возможно, что при своем исключительном внимании к отношениям в системе языка структуралисты могут достичь некоторых положительных результатов в разработке отдельных сторон внутриязыковых отношений (как это имеет место в фонологии или в некоторых аспектах теории Куриловича), что в свою очередь может оказаться полезным для освещения внутренних законов развития языка. Поэтому, при подходе к каждому определенному исследованию структуралистического направления, следует установить, нет ли в нем каких-либо положительных моментов, имеющих объективно-научное значение. Но то, что в работах структуралистов оказывается приемлемым для языкознания в целом и, следовательно, могло бы быть достигнуто и сформулировано также и вне структуралистской концепции, не может быть показательным для характеристики сущности структурализма и результатов применения структуральной методологии. Достигнутые структуралистами отдельные успехи в изучении структуры языка обусловлены не структуральной методологией, а общим состоянием языкознания на период развития структурализма. Своими методами и своей концепцией языка структуралисты извращают действительный характер отношений внутри языка и между языком и действительностью, толкая языкознание на путь идеалистического схематизма. Именно это составляет сущность структурализма, и именно в этом заключается его общая несостоятельность. Поэтому структуралистические работы должны подвергаться постоянной и непримиримой критике с позиций марксистского языкознания.

¹ См. E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, *Toward the logical description of languages in their phonemic aspect*, «Language», vol. 29, № 1, 1953, стр. 34.

² Ср. Y. Bar-Hillel, *A quasi-arithmetical notation for syntactic description*, там же, стр. 47 и сл.